

Не ищите рифму к слову «Арбат». Она уже известна

*Новая газета. 1997.
— 27 окт. — 2 нояб.*

Его имя до скончания русского языка будет зарифмовано с его любимой московской улицей, а фамилия с той державой, за которую никогда не будет обидно.

Прямая трансляция вечера Булата Окуджавы (рука не поднимается написать слово «памяти») — и заслуга, и удача Российского телеканала. ТВ раздвинуло обыкновенную московскую кухню до размеров телеконцертного зала «Россия», а зал — до масштабов всей страны. Вечер назывался «Пока земля еще вертится...». Молитва Франсуа Вийона на несколько часов стала молитвой России о собственном завтрашнем дне.

Так за минувшие три или даже четыре десятилетия с каждым было не один и даже не сто раз. Люди, не знающие ни строки акафиста, не наученные дочитать до второй фразы даже «Отче наш», мы сами, того не осознавая, многие годы молились его стихами под его же гитару:

**Дай передышку щедрому,
Хоть до исхода дня.
Кайну дай раскаянье.
И не забудь про меня.**

Мы думали, что Окуджава — бард.

Он оказался (замечено не нами) великим псалмопевцем XX века. Псалмопевец — это такая очень редкая порода поэтов, поющих свою хвалу Всевышнему под перебор струн псалтири — древнейшей арфы. Они, псалмопевцы, рождаются даже не каждое столетие. Основателем жанра был библейский Давид. Тот, что камешком, пу-

щенным из пращи, повалил великого Голиафа.

Понимал ли он сам, считавший себя атеистом и крестившийся уже в парижском госпитале, какую работу сделали его «песенки» в стране непуганых безбожников?

Перед самым его отбытием в ту последнюю роковую загранику мы с Олегом Хлебниковым попросились к нему в гости. Потчуй нас грушевой водкой «от Войновича», он вдруг сказал:

— А ведь меня сейчас печатают, потому что я тогда, в

шестидесятых, наделал такого шороху гитарой...

И зачем-то добавил, что эпоху шестидесятых сделал один человек — Евтушенко.

● А. Ч.

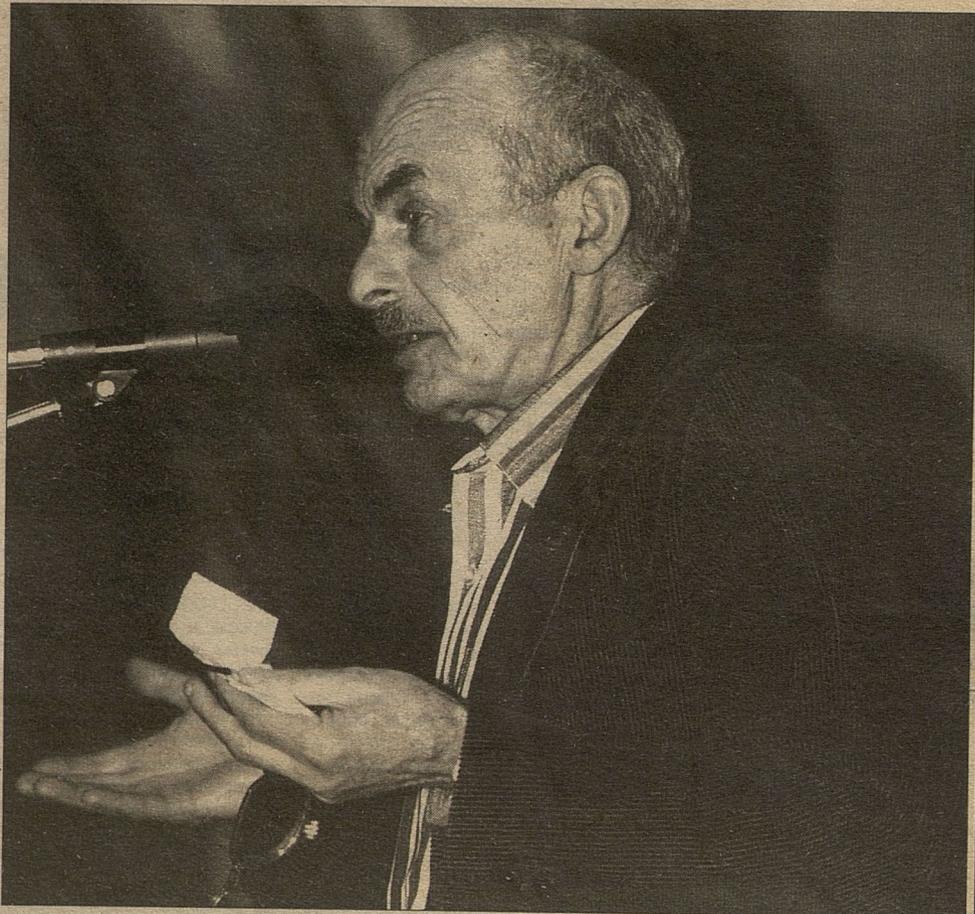

Фото Игоря ГАВРИЛОВА